РОССИЯ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Филиал зарегистрированного союза «Фонд имени Фридриха Эберта» в Российской Федерации
109028 | Москва | Яузский бульвар | д. 13 | стр. 3
E-mail: fesmos@dol.ru

09/2008

После кавказской войны: предварительные итоги

Федор Лукьянов

Краткое содержание:

Кавказский конфликт был не только вооруженным конфликтом в напряженном регионе мира. Автор статьи показывает, что в этом столкновении резко проявились все противоречия и недовольства, накопившиеся в отношениях между Россией и Западом со времени распада Советского Союза. Он указывает на драматическое различие восприятий России и Запада, а также на концептуальный поворот в российской внешней политике и несовпадение стратегических горизонтов России и США.

Об авторе: Федор Лукьянов – главный редактор журнала Russia in Global Affairs и один из наиболее известных и влиятельных комментаторов российской внешней политики.

Войну Грузии и России многие российские наблюдатели сравнивают с событиями 11 сентября 2001 года, которые оказали очень значительное воздействие на международные отношения.

Атака террористов на Всемирный торговый центр и Пентагон и ответ на нее США не совершили революцию в мировой политике. Однако они послужили мощнейшим катализатором всех тенденций, которые неявно формировались и накапливались в предшествовавший период.

Нападение Грузии на Южную Осетию и ответные действия России тоже не перевернули «шахматную доску». Но случившееся вскрыло все противоречия, недовольства и внутреннее напряжение, копившиеся в отношениях между Россией и Западом на протяжении практически всего постсоветского периода.

Оценки происшедшего различны, но все сходятся в том, что пятидневное вооруженное столкновение приведет к масштабному переосмыслению стратегических подходов сторон. В полной мере прогнозировать возможные изменения на международной арене пока трудно, но стоит отметить несколько тенденций, развитие которых определит будущую картину.

Во-первых, обозначился драматический конфликт восприятий, качественно превосходящий по глубине разногласия, которые раньше возникали между Москвой и западными столицами.

В России впервые за долгое время наблюдается почти полный консенсус в том, что касается оценки событий. Не только политическое руководство, но и значительное большинство граждан рассматривают действия российской армии и российского руководства как вынужденные (не было другого выбора) и стопроцентно оправданные – и политически, и морально, и даже в правовом смысле.

Поэтому общественное мнение искренне шокировано внешней реакцией и тем, насколько однозначную

поддержку получил на Западе Михаил Саакашвили, нарушивший все возможные гуманитарные нормы цивилизованного поведения. Российские политики и граждане (важно, что на сей раз между ними очень мало расхождений) усматривают в этом даже не двойные стандарты, присущие любой политике, а неприкрытый цинизм, выходящий за рамки нормальной политической практики.

Это может вызвать далеко идущие последствия. Россия склоняется к тому, чтобы не только полностью отказаться от следования западным ценностям, но и перестать признавать факт существования чего-то подобного.

Во-вторых, и это следствие описанного феномена, во внешней политике России наметился концептуальный поворот.

Несмотря на нараставшие сложности в отношениях с Западом, стратегической целью Владимира Путина в бытность его президентом была интеграция России в международную систему – экономическую и политическую. Условия такой интеграции менялись, запросы росли, но саму задачу никто не отменял. При этом Путин в своем крайне специфическом стиле, но всегда стремился что-то объяснять и доказывать западным партнерам, желая убедить их в правоте российского подхода. Типичным примером была знаменитая Мюнхенская речь – в агрессивной и провокационной манере Путин пытался вызвать западных политиков на откровенную дискуссию по животрепещущим вопросам безопасности и привлечь внимание к российским аргументам. Это, впрочем, не дало результата.

Судя по выступлениям Дмитрия Медведева, Москва больше не собирается ничего объяснять и доказывать собственную правоту. Он попросту информирует о позиции России, не вступая в эмоциональную полемику. Это связано с выводом, к которому пришли российские политики – объяснять что-либо бессмысленно, Запад не желает даже пытаться понять российскую логику.

Именно этим психологическим ощущением было вызвано и неожиданное и не планировавшееся признание независимости Абхазии и Южной Осетии. В первые дни Москва усердно пыталась копировать косовский сценарий. И аргументация ввода войск, и описание ситуации, и предлагавшиеся шаги буквально воспроизводили 1999 год и действия Запада по отторжению части сербской территории. У Кремля была надежда, ри

симого полюса» в многополярном мире выражена четко и однозначно, как никогда прежде. Пятый из принципов внешней политики, обнародованных Медведевым, заявляет право России на регионы с «привилегированными интересами».[1]
Подобная постановка вопроса не является антизападной, но политика перестает быть западноцентричной. То есть она больше не будет рассматривать все шаги сквозь призму того, как они скажутся на отношениях с Европой и США.

В-третьих, проблема отсутствия надежных союзников, о которой говорили давно, проявилась остро и наглядно. Назвать положение России международной изоляцией было бы преувеличением. Все-таки сознательное желание наказать Москву присутствовало лишь в нескольких странах, остальные скорее не знали, как реагировать. Но Россия, очевидно, оказалась в вакууме. Ее действия не поддержал никто, хотя мотивы были разные.
Москве предстоит формулировать новые принципы отношений со странами, на поддержку которых она хотела бы рассчитывать. Строительство постоянных альянсов затруднено объективными проблемами – разнонаправленностью интересов практически любого государства в глобальном мире. Попытка может быть предпринята, но более вероятно формирование ситуативных коалиций для решения конкретных задач, что больше соответствует специфике многополярного мира.
Если России не удастся изменить в свою пользу мнение ведущих стран, существует риск сближения со странами, с которыми в ином случае Россия была бы осторожнее. Другая угроза – использование партнерами «одиночества» Москвы для получения привилегий за поддержку.

В-четвертых, Россия впервые после распада СССР продемонстрировала, что способна и готова применять силу вне собственной территории для защиты своих интересов. Перед соседними государствами встает вопрос о способах обеспечения безопасности.
Дилемма понятна. Один путь – искать покровительства крупных держав за пределами региона, причем не общеполитической поддержки, а полноценных, т. е. обязывающих, гарантий безопасности. Фактически речь может идти только о Соединенных Штатах, поскольку готовность Европы участвовать в военно-политическом «перетягивании каната» крайне сомнительна.
Другой – заключать договоры с Россией, дабы получить такие гарантии от нее. Тем самым можно не только обеспечить защиту от внешних угроз, но и обезопасить себя на случай обострения отношений с могущественным соседом.
Для Грузии и, скорее всего, Украины выбор очевиден – они взяли курс на НАТО и США. Остальным странам предстоят серьезные раздумья.
России предстоит ответить на не менее важный вопрос. Каковы критерии тех по-настоящему жизненных интересов, защита которых позволяет применять силу? И сколь далеко Москва готова идти, чтобы предотвратить доминирование Запада в сфере, которую она считает зоной своих привилегированных интересов.

[1] Прим. ред.: В интервью Президента РФ Дмитрия Медведева перечислены следующие пять принципов российской внешней политики: 1. Россия признает первенство основополагающих принципов международного права. 2. Мир должен быть многополярным. 3. Россия не хочет конфронтации ни с одной страной. 4. Безусловным приоритетом является защита жизни и достоинства российских граждан. 5. У России есть регионы, в которых находятся привилегированные интересы. Источник: http://www.kremlin.ru/appears/2008/08/31/1917_type63374type63379_205991.shtml

В-пятых, **резкие действия России показали, что стратегия Запада по планомерному освоению геополитического наследства Советского Союза себя исчерпала.**

Перед Соединенными Штатами и их европейскими союзниками также встает дилемма: занимать жесткую позицию, перейдя к полноценному сдерживанию возрождающихся амбиций Москвы, либо попытаться найти баланс интересов с Россией, признав ее право на особую позицию в собственной сфере влияния. Ответ на этот вопрос в Старом и Новом Свете может сильно различаться.

Проявилась раздробленность Запада и основных его институтов (прежде всего НАТО). США перегружены военно-политическими обязательствами. Европа разделилась на решительных и умеренных. В результате возможность принятия решений в НАТО и особенно Европейском союзе затруднена.

Конфликт в связи с Грузией может стать еще одним толчком к переформатированию структур безопасности. Возможно движение в сторону двусторонних (США плюс заинтересованные страны) или региональных (например, страны Центральной и Восточной Европы плюс США) альянсов параллельно с НАТО, которая все больше будет превращаться в политический клуб.

Теоретически возможна дискуссия о создании новой системы безопасности с участием России. Именно это предлагал в июне 2008 года, выступая в Берлине, Дмитрий Медведев. Но, судя по реакции Запада, такой вариант сегодня практически невероятен.

В-шестых, **обозначилась концептуальная проблема российско-американских отношений – несовпадение стратегических горизонтов.**

Россия – мировая держава с региональными амбициями. То есть, свои возможности в отдаленных регионах (Латинская Америка, Африка, Ближний и Дальний Восток) она готова менять на интересы в прилегающей зоне – Европе и Евразии. Иными словами – существует примерное понимание иерархии приоритетов.

США – сверхдержава с глобальными амбициями. У лидера мирового порядка второстепенных интересов нет. Пожертвовать ничем нельзя, да и обмениваться не стоит, потому что если «посыплется» в одном месте, возможен эффект домино. Так что всех остальных надо «отжимать» насколько возможно.

В результате конструктивного диалога не получается. Попытка США укрепить свои лидерские позиции посредством демонстрации силы и решимости защищать все возможные сферы влияния (по всему миру) может привести к резкой эскалации.

В-седьмых, **очевиден кризис понятийного аппарата мировой политики. Форма унаследована от 1990-х годов – отсутствие системной конфронтации, стратегическое партнерство, движение к единому миру, основанному на общих представлениях, доминирование «мягкой» силы над «жесткой».**

Реальное содержание напоминает даже не холодную войну (идеологического противостояния нет), а соперничество по типу XIX века. Идейно-политическая сумятица только усугубляет дисбалансы, которые и так стремительно накапливаются в мире. Правила и нормы международных отношений, действовавшие в эпоху холодной войны, за последние десять лет успешно разрушены, новых не появилось. В ближайшие несколько лет миру предстоит финальный этап распада прежней институциональной системы, что чревато серьезнейшими потрясениями.